

ДЕТИ ОККУПАЦИИ. К ИСТОРИИ АФРИКАНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ГЕРМАНИИ

Дети оккупации рождались в разных странах в разные периоды всемирной истории. Их матери — жительницы оккупированных территорий, отцы — солдаты оккупационных войск. Впервые такие дети стали объектом пристального интереса в Европе после Первой мировой войны. Судьба же оккупационных детей часто была деформирована стигматизацией, обусловленной социокультурным фактором их рождения. Отношение к таким детям отражает степень открытость общества к людям инородного происхождения. В отношении к детям оккупации явно проявляется и ненависть к захватчикам, и комплекс вины и неполноценности, особенно если это полукровки (метисы), родившиеся от связей представителей разных рас.

Афронемцы — специфическая в этническом плане группа немецкого общества — одним из источников своего формирования имеет американскую оккупацию после Второй мировой войны. Современные взрослые афронемцы — люди, родившиеся и воспитанные в лоне германской культуры, но имеющие явно выраженные антропологические признаки африканцев — свой детский опыт получили во времена оккупации, отцами некоторых из них были афроамериканские солдаты. И на всех афронемецких детей 1950–1960-х годов повлияло сложившееся в обществе отношение к детям оккупации.

Оккупация немецких земель западными странами длилась с 1945 по 1955 г. К 1954 г. в Германии насчитывалось более 94 000 [Oguntoye 1991: 86] детей, рожденных от американских, французских, британских, бельгийских и советских солдат. Из них численность афронемцев составляла примерно 3094, к 1955 г. она выросла до 4000 человек [Oguntoye 1991: 94].

Судьба детей оккупации стала волновать немецкое общество уже в начале 1950-х годов, особенно беспокойство проявляли по отношению к цветным детям, частично тем самым усугубив положение самих детей и их семей. Проблема выживания оккупационных детей и их адаптации решалась на государственном уровне. Впервые вопрос прав детей оккупации и их судьба в Германии ста-

ли частью общественного обсуждения уже в 1951 г., когда их численность выросла и они стали заметны среди белого большинства. В 1952 г. по инициативе Социал-демократической партии Германии в Бундестаге был созван совещательный комитет по решению правового положения детей оккупации, родившихся вне брака. При этом комитет выделял цветных детей: «Чернокожие метисы образуют особую группу среди оккупационных детей, представляя собой особый вид человеческой и расовой проблемы <...> У ответственных должностей свободного официального молодежного попечительства уже с давних пор были мысли о судьбе этих метисов, для которых не соответствуют уже климатические условия нашей страны. Возможно, было бы лучше для них, если бы их привезли на родину их отцов...» [Oguntoye 1991: 86].

Таким образом, проблему чернокожих метисов было предложено решить путем физического устранения их из страны. В 50-х годах «старые предубеждения продолжали действовать — даже в первом парламенте молодой послевоенной демократии» [Spiegel 1991: 57]. Формулировка «вид человеческой и расовой проблемы»¹ иллюстрирует тот факт, что нацистская идеология и после падения Третьего Рейха достаточно долго оставалась в сознании немцев. В послевоенный период немецкое общество еще не осознало, что следует прежде изменить традиционные представления и что обществу не хватает толерантности, вместо этого правительством было предложено в очередной раз устранить «расово неверных» членов общества. Исследователи 1960-х годов с грустью констатировали: «Факт, что ситуация цветных детей в Германии дает повод для особенных соображений и исследований, досаден <...> Немецкая общественность, без сомнения, еще не в состоянии делать заключения без расовых предрассудков. Было бы слабым оправданием замечание, что другие народы также имеют сложные расовые проблемы. Только долгий, продолжительный воспитательный процесс сможет прекратить традицию, которая позволяет нам все еще верить в превосходство нашей расы» [Eufert 1960: 109]. Это подтверждают исследования, в результате которых оказалось, что 50 % населения Германии поддерживают идеи национал-социализма, хотя негативно относятся к политике нацистов.

¹ Дословный перевод «ein menschliches und rassisches Problem besonderer Art».

Идея высылать афронемецких детей на родину их отцов в Германии реализована не была, хотя активно претворялась в жизнь в соседней Австрии. Она проявилась в отношении к чернокожим детям в процессе их обучения в школе. С 1953 г. оккупационные дети начали посещать школу. В некоторых случаях в преподавании для афронемцев акцент делали на иностранных языках с расчетом на то, что они в конечном счете переедут туда, где смогут «найти дом», который будет более им соответствовать. Здесь имелись в виду в первую очередь Соединенные Штаты Америки или Африка [MacCarroll 1995: 22].

Беспокойство по поводу присутствия черных дети в немецкой образовательной системе вызывали публикации многочисленных исследовательских отчетов и брошюр о специальных проблемах, связанных с такими детьми. В 1950-х годах в школе проводились тесты, выявлявшие отличия черных и белых учеников. Ответы показали, что и белые, и черные дети схожи по своим умственным способностям и поведению. В тот же период появились всевозможные тексты, которые выделяли чернокожего человека и извиняли его за это. Афронемецкие дети оккупации уже в школе могли почувствовать свою неполноценность, причиной которой был цвет их кожи. Это по-разному сказывалось на них. И хотя они стремились лучше учиться, чтобы адаптироваться в обществе, их заниженная самооценка часто не давала развиваться их амбициям.

В 1961 г. первая группа детей оккупации подросла, от чего образовался новый круг проблем, связанных с достижением ими половой зрелости и включением их в систему высшего образования.

В 1960-х годах были предусмотрены в основном не обычные начальные, среднеобразовательные школы, гимназии или производственное обучение, а скорее специальные школы (*die Sonderschule*). Эти учреждения в области специального образования были зарезервированы для «умственно отсталых учеников» с проблемами поведения. Специальные школы были своеобразным «гетто», куда общество отправляло «нежелательных своих представителей <...> очень многих детей, в которых смешались расы» [MacCarroll 1995: 22]. Основной причиной помещения в специализированную школу было трудное поведение, которое рассматривалось обществом как проблема, заложенная на генетическом уровне, а не как проблема, во многих случаях вызванная непосредственно социальными условиями и давлением. Чернокожие дети оккупации выглядели «Дру-

гими», и асоциальное поведение некоторых воспринималось как врожденное качество, не совместимое со званием гражданина Германии.

Одним из самых негативных социальных факторов в жизни афронемецких детей стало отношение немецкого общества к их матерям. Очень немногие отцы признали своих детей, и в основном оккупационные дети росли, не зная родных отцов. Рождение чернокожих детей вне брака для религиозных немцев, в головах которых все еще оставались отголоски расового превосходства арийской нации, стало почвой для негодования. Немецкое общество восприняло молодых мам резко отрицательно. Этих «молодых и обездоленных женщин называли шлюхами, суками и “Амилибхен”, к их детям применяли оскорбление “сволочь”» [Spiegel 2006: 39–40]. Ряд оскорбительных наименований, относящихся к матерям чернокожих детей, можно продолжать достаточно долго. Так, у Луизы Франкенштейн, исследовавшей вопрос незаконнорожденных детей от иностранных солдат в Германии в 1950-е годы, можно найти следующие характеристики: «Мать исходит из весьма примитивных обстоятельств», «мать — духовно примитивная фабричная рабочая», «мать происходит из морально неполноценной семьи» и т.д. [Ougtoye 1991: 96].

Морально-оценочные характеристики были даны этим женщинам на основании их связи с чернокожими солдатами и социальной среды, из которой они вышли. Особенно остро это звучало в обеспеченных кварталах, тогда как в рабочих кругах подобные мнения нивелировались.

Большинство матерей было из слоев среднего и ниже среднего достатка. Их связи с чернокожим солдатом осуждались обществом по нескольким причинам: во-первых, чернокожие солдаты были неарийцами, во-вторых, они не заключали брачный союз, и в третьих, чернокожие солдаты из оккупационных войск были победителями и оккупантами и, соответственно, унижали только своим присутствием национальное достоинство немцев. Негативные чувства были использованы правительствами и Германии, и США. Это было ясно из запрета заключать брак американским темнокожим солдатам с немецкими женщинами. Дети же, несмотря на этот факт, появлялись. На такие союзы смотрели сверху вниз как на коммерцию ввиду того, что многие из родителей относились к более низкому социальному слою, а также из-за социального клейма, накла-

дываемого на романтические отношения с американцем или африканцем или, еще хуже, темнокожим американцем.

Браки между афроамериканскими солдатами и немецкими женщинами не складывались по многим причинам. Длительные отношения с отцами, которые, как правило, были расквартированы в ФРГ на 18 месяцев или на два года, были для матерей и детей затруднительны, особенно в первые годы оккупации. Из-за расовых предрассудков военные начальники, как указано выше, отказывали черным солдатам в возможности жениться на немках, такого солдата могли отправить служить в другое место, чтобы избежать и брака, и ответственности за ребенка. Только с 1950 г., когда было отменено разделение на черные и белые войска, были ослаблены ограничения на браки с местными жительницами. С этого времени увеличилось количество помолвок и заключенных браков.

Презрение общества к женщинам, которым требовалась поддержка и забота, иногда вызывало тяжелые последствия. Примерно 9 % женщин оставили своих детей под давлением общества. Были и более трагические истории, когда после перевода солдата-отца на родину давление, критика, сплетни обрушивались на женщину, так что, не выдерживая, она совершала суицид². Все же большинство белых матерей — примерно 75 из 100 [Oguntoye 1991: 94] — сохранили детей, зная, что им предстоит преодолеть много трудностей.

Довольно многие из этих молодых женщин вступали в повторный брак с немцами. Часто уже немецкие мужья требовали, чтобы чернокожего ребенка отдали в приют, по-видимому, чтобы спасти новое семейство от насмешек, вызванных наличием темнокожего ребенка. Подобная судьба оккупационного афронемецкого ребенка раскрывается в автобиографическом романе И. Хюгель-Маршалл «Daheim Unterwegs». Главная героиня романа, афронемецкая девочка Эрика, была отослана из дома на несколько лет для обучения в школе, несмотря на ее протест и ежедневный опыт расизма (который принимал даже формы экзорцизма), перенесенный ею в том учреждении. Хюгель-Маршалл только много лет спустя узнала, что она была отправлена из семьи, чтобы успокоить нового мужа ее матери. И такая практика была в порядке вещей.

² Воспоминание, оставленное в одном из комментариев к статье газеты «Zeit» об австрийских чернокожих детях оккупации на официальном сайте газеты. URL: <http://www.zeit.de/2010/52/A-Mischlingskinder>.

Хорошо известна судьба Мэй Аим (Опитц) — афронемецкой поэтессы, эссеистки и активистки. В 1980-х годах она участвовала в исследованиях по афронемецкой истории, в создании организации афронемецких женщин (ADEFRA) и Инициативы черных немцев и в целом консолидации афронемецкого сообщества. Мэй Аим был частью тех девяти процентов афронемецких детей, оставленных в приютах. Она знала своего родного отца и не имела никакого контакта со своей биологической матерью³.

К отсутствию отцов, поддержки от немецкого общества, его презрению добавлялось сложное финансовое положение матерей детей оккупации. Матери внебрачных детей в большинстве случаев должны были оспаривать отсутствие пособий на содержание семьи. На пособие шли деньги не только из государственной казны, их должны были выплачивать отцы детей. Так, по данным Германской ассоциации государственного и частного благосостояния, алименты выплатили всего 9–10 % отцов, доля чернокожих солдат составляла 25 % [Oguntoye.1991: 94], что значительно выше по сравнению с другими представителями оккупационных войск. Но и этот показатель невелик. И потому многие матери испытывали значительные финансовые трудности, в большей степени им приходилось полагаться на пособия социального обеспечения.

На афронемецких детей оккупации в послевоенный период проецировался целый ряд стереотипов, через которые этих детей воспринимало немецкое белое большинство. Общество отрицательно относилось не только к оккупационным чернокожим детям, но и к их матерям, от которых ребенок зависел физически и психологически. Можно обозначить несколько пластов, вызывавших неприятие общества:

1. Негодование против враждебных оккупационных держав. США были победителем в войне и имели политическую и экономическую власть в стране. Это сильно било по самолюбию граждан Германии. Афроамериканские солдаты получили немецких женщин, и теперь через своих детей остались в стране.

2. Предвзвещения, вызванные социальным происхождением детей. Их матери часто воспринимались как продажные женщины, вступившие в связь с иностранными солдатами только из-за коммерческой выгоды. В раннем детстве этот предвзвещен был на-

³ По этому поводу она выражала большую боль и разочарование во многих самых печальных и самых гневных своих стихах.

правлен исключительно против матерей, в то время как детей видели милыми и невинными. Следуя за пословицей «яблоко от яблони недалеко падает», позднее эти представления быстро перешли на подросших детей.

3. Предрассудки, которые были унаследованы от колониальной и нацистской расовой теории и идеологии, согласно которым генетический и интеллектуальный «материал» детей-метисов (мулатов) уступает немецкой расе. Они глупее и хуже адаптируются, чем белые.

История афрогерманских детей оккупации выдает внутреннюю закрытость германского общества в отношении межэтнического смешения и его неготовность к принятию таких детей, особенно если они антропологически отличаются от среднестатистического европейца. Поэтому афронемцы часто воспринимаются белым населением как иммигранты, существование черных немцев исключается из сознания белого большинства. В среде афронемецкого общества данная ситуация создала плодородную почву для поиска афронемецкой идентичности и самоутверждения в германском обществе. Сам термин «афронемец» достаточно молодой, возник как один из способов самоидентификации и самоутверждения в немецком обществе, как попытка уйти от многочисленных названий, обладающих негативной коннотацией.

Литература

Eyfert Brandt K., Hawel U.W. Farbige Kinder in Deutschland // Die Situation der Mischlingskinder und die Aufgabe ihrer Eingliederung. München, 1960.

Hopkins T.L. Who is a German? Historical and modern perspectives on Africans in Germany. American Institute for Contemporary German Studies, 1999. 87 st.

Hügel-Marschall I. Daheim Unterwegs. Orland Frauerverlag. Berlin, 1998.

MacCarroll M. May Ayim: A woman in the margin of German society. Florida, 1995. 69 p.

Oguntoye K., Opitz M., Schultz D. Farbe bekennen. Afro-deutsche Frauen auf den Spuren ihrer Geschichte. Berlin: Orlanda, 1991. 254 st.

Schwarz und weiß gestreift. Traditionelle Vorurteile gegen Besatzungskinder // Spiegel. 1991. No 52. St. 57.

Widmann M. Wiltenburg M. Kinder des Feindes // Spiegel. 2006. No 52. St. 39–41.